

Л. И. ПЕТРОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОТОКОЛОВ, ОТЧЕТОВ, ПИСЕМ 30-х ГОДОВ XX в.)

В 30-е годы основные силы ленинградских фольклористов были объединены вокруг Фольклорной секции (позднее — Комиссии) при Институте по изучению народов СССР (впоследствии — Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР). Руководил секцией М. К. Азадовский, почти бесменным ее секретарем была А. М. Астахова. В 1938 г. в связи с Постановлением Совнаркома СССР от 8 мая Ученый Совет Института вынес решение о выделении Фольклорной Комиссии из состава Института и передаче ее в Отделение языка и литературы. Президиум АН, в свою очередь, постановил: присоединить Фольклорную Комиссию к Институту литературы АН (позднее — ИРЛИ АН СССР). В результате структурной перестройки в 1939 г. в Пушкинском Доме появился Отдел народного творчества и его базовые фонды. Таким образом, говоря о Фольклорной Секции, мы, по сути, говорим о прошлом Отдела фольклора ИРЛИ РАН.

Какие-то эпизоды из этого прошлого на фоне сегодняшнего дня кажутся почти курьезными, но на самом деле полны скрытого драматизма.

«С февраля мес<яца> работа Ф<ольклорной> С<екции> перестроилась, главным образом на бригадный метод. Вначале были некоторые не<у>вязки на почве понимания методов и форм бригадной работы <...>, но после разъяснений, данных зав. иссл<едовательским> сект<ором> т<оварищем> Абрамзоном, все

недоразумения были устранены и работа началась полным ходом. Правда, необходимо отметить, что не все бригады вполне заслуживают названия бригад, так как состоят всего из 2-х лиц, но основные бригады (рабочая и колхозная) широко развернули свою деятельность, сумев включить в свой состав не только работников ИПИНа (не из состава Ф<ольклорной> С<екции>), но и посторонних, преимущественно из среды рабочей молодёжи обследуемых предприятий».¹

Искусственная пролетаризация фольклора и фольклористики — так можно в целом определить основную тенденцию, явственно обозначившуюся в 1930-е годы в управлении наукой, изучавшей явления, по существу весьма далекие от господствующей идеологии. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, «Отчет о работе Фольклорной Секции за период с 1.1 по 1.V. 1932 г.», выдержки из которого мы здесь приводим:

«По производственному плану на 1932 г. были намечены следующие разделы научно-исследовательской работы:

I. Критика буржуазных и псевдомарксистских теорий в фольклористике.

II. Изучение современного фольклора и фольклорного наследия. <...>

По разделу критики:

1. По плану на 1-й квартал была намечена разработка темы „Народнические и областнические тенденции в сибирской фольклористике“ Азадовским <...> „Великодержавный шовинизм и местный буржуазный национализм в работах музыкальных фольклористов за советский период“ (Гиппиус и Худяков) <...>

II. По разделу изучения современного фольклора и фольклорного наследия.

1. Проблема рабочего фольклора <...>

2. Культурная революция и фольклор колхоза <...>

3. Фольклор гражданской войны <...>».

Лишь последним пунктом общего отчета значится: «Разработка фольклорного наследия», но «разработка» эта ведется все в том же русле, судя по обозначенной теме: «Пути развития крестьянской песни Севера в связи с процессами классового расщепления».²

¹ Цитируемые нами материалы находятся в настоящее время на временном хранении в Отделе народно-поэтического творчества ИРЛИ. В большинстве своем это машинописные копии (меньшую часть составляют рукописные оригиналы) разрозненных документов 30-х годов, объединенные в несколько «папок-скоросшивателей», имеющих свой индекс, на который мы и будем делать сноски в работе. В данном случае это папка с надписью «Протоколы научных заседаний». Индекс № 630. С. 2.

² Там же. С. 2—6.

Если еще в конце 20-х годов одним из основных направлений исследовательско-собирательской деятельности Фольклорной Секции оставалась традиционная культура Русского Севера,³ то в 30-е годы все назойливее звучит призыв к выявлению так называемого советского фольклора. В официальных бумагах мы уже не встретим рядом со словом «фольклор» таких определений, как «традиционный», «классический». Крайне редко употребляется даже слово «крестьянский», уступив место новоявленному «колхозный».

На первое место выдвигается задача изучения «фольклора фабрик и заводов Ленинграда». Основной научной группой Секции становится образованная 28.09.1931 г. «бригада по рабочему фольклору», в которую входят: А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Куприянова, рабочие завода «Красный Октябрь» Лобанов и Орехов.

Сегодня все это — от включения в исследовательский отдел людей «от станка» до подписи под документами «Бригадир Астахова» — выглядит по меньшей мере нелепо. Но не будем забывать, что в 30-е годы «неподчинение» такого рода «нелепостям» могло для любого ученого закончиться трагически. Вряд ли сотрудники Фольклорной Комиссии были согласны с теми «целевыми установками» в работе, которые сами же формулировали при составлении, например, «Производственного плана на 1932 год бригады по теме „Фольклорный репертуар рабочих Ленинграда“»:

«1. Изучение идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе культурной революции и социалистического строительства на материале фольклора. 2. Изучение фольклора как материала для истории фабрик и заводов. 3. Выявление влияний, формирующих сознание нового человека, и влияний, идеологически вредных. 4. Установление путей борьбы с вредными влияниями».⁴

Вряд ли ученым-собираателям, еще заставшим (во время северных экспедиций) традиционную народную культуру в ее «живом бытовании», был по душе «План научно-исследовательского процесса»,⁵ включавший: изучение литературного творчества рабочих по данным литархивов, стенгазет, номеров агитбригад; сбор материала по социальному составу, истории предприятий, состоянию культ- и просветработы, фактам роста общественной

³ Напомним о состоявшихся в конце 1920-х годов Комплексных экспедициях Государственного Ин-та истории искусств (ГИИИ), активное участие в которых принимали сотрудники Фольклорной Секции, в частности, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд и др.: 1926 г. — Обонежье, 1927 г. — Пинега, 1928 г. — Мезень, 1929 г. — Печора.

⁴ См.: Индекс № 630. С. 55.

⁵ Там же. С. 55—56.

жизни на производстве и пр.; выявление «репертуара рабочих демонстраций» («учет массовой песни на демонстрации») и «сопоставление с данными прежних учетов»); запись устных сказов рабочих («из истории революционного движения и гражданской войны», «из общественной и производственной жизни предприятия») и т. п. Такого рода собирательская деятельность была действительно «широко развернута» и отнимала массу времени и сил квалифицированных фольклористов (судя хотя бы по количеству хранящихся в РО ИРЛИ (Разряд V) записей, произведенных на фабриках и заводах, во время митингов и демонстраций).

Мы не склонны вообще отрицать какую-либо пользу от сбора всех этих материалов: для историков, литераторов, исследователей городской культуры и быта они, безусловно, представляют ценность. Но стоило ли забывать о собственно фольклористическом «долге», о котором, к счастью, всегда помнили фольклористы-собиратели XIX—начала XX в.: «Тратить силы и терять время на сохранение <...> новомодных произведений <...> не следует собирателю, когда каждый год дорог в интересах сохранения древних памятников истинно народной поэзии». ⁶ Страшно себе представить, что знали бы мы сегодня об устной традиции, если бы Ф. М. Истомина и Г. О. Дютш, Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин, А. Д. Григорьев, А. Л. Маслов, Н. Е. Ончуков и др. сосредоточили свое внимание на фабрично-заводском репертуаре, романсах и альбомных стихах, всякого рода любительских сочинительствах и «блатных» песнях.

В 30-е годы происходит вначале постепенное, а затем резкое «свертывание» экспедиционной работы на Русском Севере. Карельские экспедиции, предпринятые в первой половине 30-х годов, были, по сути, последней попыткой сотрудников Фольклорной Комиссии продолжить собирательскую работу в традиционном направлении.

При этом истинные интересы собирателей приходилось все в большей степени скрывать за «идеологически выдержанными» фразами, а результаты экспедиционной работы все более «подгонять» под требование поисков «современного фольклора». Интересно в этом плане сравнить, например, некоторые формулировки из «Тезисов к докладу А. М. Астаховой „Фольклор русского населения колхозов Карелии (по материалам экспеди-

⁶ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1956. С. 51. Слова принадлежат Н. М. Лопатину (1889 г.).

ции 1931—32 г.)» с «Отчетом о работе фольклорной экспедиции Фольклорной Секции ИАЭ АН СССР и Карельского научно-исследовательского Института» летом 1933 г. и прочитанным позднее, в 1934 г., докладом «Фольклор колхозов Северной Карелии».

В «Тезисах», в частности, обозначено: «Работа Заонежского отряда в 1931—32 гг. была направлена: 1) на выявление новых моментов в фольклоре заонежской деревни, 2) на обследование современного состояния былинной традиции <...> Обследование былинной традиции показало, что процесс отмирания былин совершается медленнее, чем это предполагалось. Социальная функция былин в современности сводная: классово враждебная и положительная. Полное отмирание былины в настоящее время задерживают элементы социальной сатиры».⁷ В Отчете о карельской экспедиции 1933 г. ошутима более жесткая регламентация научно-собирательской деятельности и, заметим, уже ни слова не сказано о задаче исследования состояния былинной традиции:

«Работа велась по программам, составленным Ф. С. ИПИН (Фольклорной Секцией Института по изучению народов СССР АН) в 1932 г. и утвержденным Научно-исследовательским Отделом ИПИН и Кар^{ельским} н^{аучно}-и^{сследовательским} Ин-том. Целевые установки остались без изменения: 1) изучение на материале фольклора идеологических сдвигов беломорского населения в процессе коллективизации и культурной революции; 2) вскрытие роли фольклора в деле этой идеологической перестройки; 3) выявление специфики фольклора Карельского Беломорья в прошлом и настоящем в ее социально-экономической обусловленности».⁸ Правда, в этом рукописном варианте Отчета пункт 1 переправлен на 2-й, пункт 3 на 1-й, а пункт 2 на 3-й, но суть дела от этого не изменилась.

Стоит ли удивляться тому, что если в 1932 г. записи былин производились, то в 1933 г. былины не только не были зафиксированы,⁹ но как бы и вообще прекратили существование. Так, в 1934 г. при обсуждении доклада «Фольклор колхозов Северной Карелии» на почти «крамольные» для того времени вопросы Н. Е. Ончукова: «Нет ли былин в обследованных районах? В южной части былина и историческая песня записана Григорьевым. Заметно ли влияние старообрядчества? Есть ли духовные стихи? Входят ли старообрядцы в колхозы?» — А. М. Астахова отвечала весьма сдержанно: «Былин в изучавшихся районах отмечено не было. Духовные стихи встречаются в фрагментах.

⁷ Индекс № 630. С. 50.

⁸ Там же. С. 76—77.

⁹ См. сравнительный список произведений различных жанров по материалам экспедиций 1932 и 1933 годов. Индекс № 630. С. 58.

Относительно старообрядчества и его влияния — трудно вывить при быстром обследовании».¹⁰

Между тем реально собранный материал шел «вразрез» со всякого рода «целевыми установками». Не случайно, например, при обсуждении на Секции доклада А. М. Астаховой «Фольклор колхозов Северной Карелии», построенного на материалах карельских экспедиций, из уст А. И. Никифорова прозвучало следующее: «Очень ценно в докладе использованы моменты регистрационный и статистический. Процентные соотношения существенно дополняют картину. Но каково значение самого колхоза для репертуара? Ничего колхозного специфически в данном репертуаре нет» (цитата взята из Протокола заседания Фольклорной Секции ИАЭ от 14 марта 1934 г., отсюда — некоторые стилистические «шероховатости»).¹¹

Продолжать традиции собирательской работы фольклористов прошлого становилось все труднее. Все больше приходилось «тратить силы и терять время», записывая — вместо еще активно сохраняемых в памяти сказителей образцов (не столько разрушающейся, сколько разрушаемой) народной культуры — сочинения «колхозных поэтов и писателей», всевозможные переделки песен на «современный» лад, альбомные стихи, жестокие романсы и т. п., тщательно фиксируя репертуар клубной самодеятельности (при этом прекрасно сознавая, что он, как правило, «спущен сверху»).

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что именно в 30-е годы официально утверждается расширительное толкование фольклора как предмета изучения фольклористики, в том числе и приравнивание к устнопоэтическому народному творчеству индивидуального сочинительства, любых образцов непрофессиональной поэзии.

В 1935 г. была составлена «Инструкция для полевой работы фольклорных бригад», которой следовало отныне руководствоваться сотрудникам Фольклорной Секции.

Им, в частности, предписывалось: «По приезде в район бригада инструктируется у Райкома, получает встречный план по собиранию фольклора, если таковой имеется, и увязывает его с настоящей инструкцией <...> Организационная работа на выбранной точке начинается с контакта с: а) сельсоветом, б) правлением колхоза, в) партийными и комсомольскими ячейками — для получения сведений о состоянии художественной культуры и отдельных мастерах данной точки».¹² Характерно и указание

¹⁰ «Протокол научного заседания Фольклорной Секции ИАЭ 14.ИИ. 34 г.». Индекс № 630. С. 107.

¹¹ Там же. С. 107об.

¹² «Планы, программы и переписка по организ<ации> научн<ых> экспедиций». Индекс № 680. С. 2 («Инструкция» подписана А. Никифоровым и Е. Гиппиусом).

на приоритетность жанров (и тематики) при выявлении местного фольклорного репертуара: «Выбирается и регистрируется как обязательный следующий материал: а) частушки „яблочко“, „страдания“, в первую очередь отражающие классовое расслоение, историю революции и гражданской войны, советскую действительность; б) песни лирические (рекрутские, любовные, любовные пародии), песня партизанская, песня аграрно-обрядовая, песня свадебная, причитания, песни разбойничьи, песни профессиональные, песни новые, освоенные из городского репертуара (любовные, с убийствами, сиротские, с темами жестокости мужей и родителей), песни поэтов, освоенные деревней; в) пословицы и поговорки; г) рассказы и сказки о деятелях революции (особенно о Ленине и Сталине), о колхозах, гражданской войне, крепостном праве и других политического значения событиях; д) по мере возможности записываются и другие жанры фольклора (заговоры, сатира на местные события, эпические песни, легенды, анекдоты и т. д., отражающие революционные мотивы или отдельные мелкие революционные элементы)».¹³

К сожалению, факты свидетельствуют еще об одной очень негативной тенденции 30-х годов в собирательской работе. Фольклористы волей или неволей сами начинали способствовать разрушению традиционной народной культуры, оказывая в том числе прямое воздействие на местный репертуар сказителей. В упоминавшейся уже «Инструкции для полевой работы фольклорных бригад» 1935 г. есть один весьма примечательный пункт: «Надо попытаться внедрить в среду мастеров какую-нибудь искусственную песню (например, отрывок оперы) и один из литературных рассказов (например, из гражданской войны)».¹⁴ Собиратели начинали записывать то, что сами же создавали. Правда, этот вид «собирательской» деятельности имел определение: «Работа экспериментальная». Но такого рода эксперименты слишком дорого обходились традиционному фольклору.

В своей статье «Термин „советский фольклор“ в 1930-е годы» Л. И. Емельянов писал: «Чтобы создать впечатление, будто <...> новое „народное творчество“ есть законный преемник и прямой продолжатель классического фольклора, инициаторы и организаторы <...> культурно-идеологической спекуляции для начала попытались придать новому творчеству черты максимального сходства с фольклором старым, классическим. Была сделана попытка возродить древнейшие фольклорные жанры <...> на новой, сугубо современной тематической основе. Как это делалось?

¹³ Там же. С. 3—4.

¹⁴ Там же. С. 5.

Очень просто. К известным сказителям, знатокам и хранителям старого фольклора, прикреплялись на правах своего рода литературных кураторов ученые-фольклористы или писатели, которые должны были оказывать своим подопечным так называемую творческую помощь. В их обязанности входило: поставлять сказителям актуальные темы, снабжать их нужными материалами (книгами, журналами, газетами, реферируя их при необходимости), организовывать для них поездки по стране, чтобы помочь им, как тогда выражались, „набрать конкретные представления и образцы“». ¹⁵

Документы свидетельствуют, увы, о том, что и сотрудники Фольклорной Комиссии оказались вовлеченными в этот процесс.

Один из ярких тому примеров — машинописная копия письма от 7.XI.1938 года, посланного П. Г. Ширяевой в г. Сольвычегодск «товарищу Губиной»:

«Уважаемая т. Губина.

Сегодня мы в Фольклорную комиссию получили твою былинку о трех молодцах. Хочу написать свое впечатление от чтения этой вещи. Она мне понравилась меньше „Чапая“ и меньше, чем былина о событиях у озера Хасан, и вот почему. Там, в обеих вещах, у тебя был взят единый стиль изложения, здесь у тебя разные стили соединены. Там ты писала былинным языком, здесь у тебя все сочинение выглядит раешником. Ты пишешь о серьезном политическом событии, а в раешнике это получается легковесно. Образы в тех обеих вещах продуманные, серьезные, глубокие, здесь богатство образов не велико, не так продуманно дано. Мысль дать сказ об орлицах-молодцах и о Сталине — большом человеке — прекрасна, но давай договоримся дать это глубже и серьезней. Переделай ты, пожалуйста, свою вещь, продумай еще раз и пришли сюда. Пришле<шь>, а я здесь подумаю, куда ее дать опубликовать. И еще совет: не старайся растягивать былинку. Вот о событиях у озера Хасан у тебя написано и немного, и в то же время хорошо. Ты думаешь о сказе — Ленин и Сталин. Думай крепко и пиши. Учти мой маленький совет: не бери много событий из жизни Ильича, <a> то их трудно тебе оформить, ты возьми оди<n> или два факта из жизни и работы Ленина и дай их образно, а о тов. Сталине будешь писать, то учти факт его пребывания в ссылке на Севере. Может быть, там найдешь какие-нибудь документы интересные, их используешь. О всех но-

¹⁵ Емельянов Л. И. Термин «советский фольклор» в 1930-е годы // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5 / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб., 1998. С. 221.

вых мыслях и материалах пиши, тво<и> материалы постараемся использовать в печати.

С приветом,
научный сотрудник /П. Ширяева/».¹⁶

Даже таким фольклористам, как А. М. Астахова, приходилось не только записывать всякого рода «современные сказы», но и поддерживать в сказителях уверенность, что сочиняя их, они продолжают народную традицию. Одно из свидетельств тому — письмо А. М. Астаховой, отправленное 31.01.1938 г. Марфе Семеновне Крюковой:

«Здравствуйте, дорогая Марфа Семеновна!

Я была все время занята, поэтому не смогла тебе тотчас же ответить на твое письмо.

Я очень рада, что ты получила мой небольшой подарок и что книги, присланные мною, тебе понравились. Книгу „Творчество народов СССР“ я купила и с удовольствием прочла твои песни: „Плач о Ленине“ и былину о Сталине. Они мне очень понравились. Также прочла твоё „Сказание о Ленине“, напечатанное в журнале „Красная новь“.

Записанные мною от тебя материалы я все еще привожу в порядок: переписываю и перепечатаваю на машинке. Когда я на обратном пути ехала через Архангельск, в Отделе Народного творчества определенно говорили о том, что лучшие из твоих старин будут печатать. Но до сих пор не имею оттуда никаких известий. Пока же я написала статью о тебе и твоих былинах в наш сборник „Советский фольклор“. Как только будет напечатано, пришлю тебе.

Очень была рада узнать, что дом твой, наконец, переделяется. Следовательно, скоро можно к тебе будет приехать на новоселье. Напиши мне подробно, какой он вышел и хорошо ли тебе в нем. Как твоё здоровье? Смотри, не хворай, береги себя. Напиши также, где ты в ближайшее время будешь. Не собираешься ли в Архангельск, и если собираешься, то когда. Есть ли известия от Антонины Яковлевны? Писала ли ты в Москву? Я ведь встретила как-то здесь в Ленинграде на улице Эрну Бородину, и она мне сказала, что была у тебя вместе с Липец. Прислали ли они тебе деньги? <...>

Дорогая Марфа Семёновна, напиши мне скорее ответ о том, как живёшь. Обещаю тебе также не задерживать ответного письма.

/А. Астахова /»¹⁷

¹⁶ «Переписка по научно-консультат<ивной> работе». Индекс № 661. С. 237.

¹⁷ Там же. С. 136—136об. Цитируется по машинописной копии.

Как видим из письма (отражающего, кстати, теплоту и доверительность в отношениях А. М. Астаховой с исполнителями), слагатели «новин» получали, кроме «почета и уважения», существенную материальную поддержку (от денежных вознаграждений до строительства нового жилья).

Весьма красноречив и другой документ: «Отзыв о „былине“ Н. А. Трофимовой», сохранившийся фрагмент которого мы приводим полностью. Он убедительно свидетельствует о том, что фольклористов едва ли не раздражали многочисленные «былин-ные» творения на темы революции и современности, но ученые были вынуждены как-то реагировать на них и, более того, направлять и исправлять сочинителей:

«Н. А. Трофимову Отдел фольклора¹⁸ слушал два раза. Первый раз она выступала как исполнительница литературных произведений, что Отделом и было одобрено. Второй раз Нина Антоновна читала один из вариантов сказа (в форме былины) о С. М. Кирове. Научные сотрудники приветствовали опыт создания такого сказа и в процессе обсуждения сделали целый ряд замечаний, которые сводились к следующему:

1. Биография С. М. Кирова была дана слишком протокольно, с перечислением всех деталей того или иного этапа борьбы. Это мельчало образ Кирова как народного героя.

2. Образы сказа искусственны.

3. В сказе неумело сочетались шаблонные литературные обороты с традиционными былинными выражениями.

4. Отдельные моменты из биографии Кирова были даны в политически неправильном освещении. Тов. Трофимова обещала „в корне“ переработать свое произведение. Представленный в редакцию „Литсовременника“ сказ, по-видимому, является последним, новейшим вариантом. В этот вариант Трофимова ввела больше общих моментов революционной борьбы. Но она ничего не сделала для того, чтобы образ Кирова сделать народным, чтобы уничтожить обилие избитых литературных образов <...> Отдельные места по-прежнему являются политически неправильными.

Свое произведение Трофимова называет былиной, но, конечно, в данном случае не может быть и речи о каком-либо сопоставлении с былиной; сказ Трофимовой механически использует отдельные приемы былинной традиции и поэзии. С художественной стороны сказ Трофимовой представляется очень бледным. Ее „былина“ разорвана на ряд звеньев (всего 111) — сообразно с отдельными моментами из биографии С. М. Кирова. В произведении Трофимовой заметна чрезмерная перегрузка не-

¹⁸ Отзыв относится, по-видимому, к 1939 году, когда на основе Фольклорной секции ИАЭ был сформирован Отдел фольклора в ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР.

которыми приемами народной поэтики, например, отрицательными параллелизмами:

„То не ветер шумит по-весеннему (стр. 3)

.....
То не стая серых коршунов“ (стр. 4)

(надо заметить, что коршуны стаяй не летают)

Таких параллелизмов на 10-ти стр. — 9. Об отсутствии художественного чутья у Трофимовой свидетельствуют несоразмерные образы, применяемые ею для выражения народного горя по поводу ареста и по поводу смерти С. М. Кирова, стр. 6 и 10.

„То не туча проливала дождь на землю-матушку —

То из глаз людских лились слезы реченькой“ (с. 6)

„Горько всплакался трудовой народ о потере друга верного“».¹⁹

В конце 30-х годов экспедиционная деятельность Фольклорной секции на Русском Севере была фактически прервана. Кроме обследования фабрик и заводов, приоритетной стала собирательская работа в национальных районах различных республик СССР. Что же касается фольклорных экспедиций на Русский Север, то они в основном свелись к поездкам А. М. Астаховой в Зимнюю Золотицу для записи репертуара Марфы Крюковой. Это было очевидно даже неспециалисту. В своем письме к А. М. Астаховой, датированном 25.04.1938 г., воронежский учитель П. П. Чужимов, в частности, писал: «Если возможно, то я с великим удовольствием принял бы участие в работе по обследованию фольклорных явлений в Зимней Золотице и по всему Зимнему берегу. Мне кажется, что недостатком всех обследований фольклора за истекшие годы было то, что сосредоточились только на одной М. С. Крюковой».²⁰

Судьба М. С. Крюковой как сказительницы, имевшей в свое время такой большой успех, на самом деле глубоко трагична. С ней, кроме А. М. Астаховой, работали многие: и Э. Г. Бородина, и Р. С. Липец, и писатель А. А. Морозов, и учитель П. П. Чужимов, и, вероятно, кто-либо еще. Позволим себе высказать предположение, что кое-кто был не просто «констататором», но в определенной мере и «соавтором». Это приводило не к явному разрыву с традицией (как в случаях с «новинами»), а к незаметному ее искажению. Приведем лишь один пример. Сюжет духовного стиха «Инок и Христос» вполне традиционен. В свое время А. В. Марков записывал его от матери

¹⁹ «Отзывы и заключения о научных работах сектора». Индекс № 662. С. 82—82об.

²⁰ Индекс № 661. С.181об. В РО ИРЛИ (Р. V. К. 72) имеются записи самого П. П. Чужимова, произведенные в Зимней Золотице.

Марфы Семеновны — Аграфены Крюковой. В тексте, записанном от М. С. Крюковой в 30-е годы, настораживает даже не компилятивный его характер, не «раздувание» объема, а «утрата» основных религиозно-философских образов — оброненного в море церковного ключа и потерянной «золотой» книги. Отсюда никак не связанный с традицией «поворот» сюжета: встреченный Христом инок плачет, так как монахи не пускают его «в келью-ту во пустыни».²¹

Относительно второй половины 30-х годов XX в. мы вынуждены сказать следующее. Только лица, не связанные официальными обязательствами, отчетами и прочим — такие, например, как Ф. А. Абрамов (бывший в то время еще студентом Ленинградского университета), могли проводить на Русском Севере собирательскую работу, и притом весьма успешно, записывая вовсе еще не стертые из памяти народной образцы традиционной устной культуры.²²

Далеко не лучше обстояли дела и с публикацией тех экспедиционных материалов, которые удалось записать сотрудникам Фольклорной секции в конце 20-х—начале 30-х годов.²³

И что уж говорить о «крестьянском фольклоре», когда издание даже такого идеологически бесспорного и всячески пропагандируемого материала, как революционные песни, зависело от прихоти «партийной элиты». Вряд ли требует комментариев письмо из Музгиза, присланное на имя Директора Института антропологии, археологии и этнографии «т. Струве»: «В июне 1937 г. т. Друскин по Вашему поручению привез в Москву рукопись „Революционные песни“ по договору № 4616 и согласно Вашего поручения вел переговоры относительно приглашения специального редактора для этой работы.

Так как мы имели предварительное одобрение материала т. Кржижановским, то сочли возможным лишь на основании беглого просмотра произвести второй платеж по договору.

Уезжая из Москвы, т. Друскин оставил мне письмо, в котором писал: „Еще раз беседовал с Гл. М. Кржижановским. Он рекомендует в качестве отв<етственного> ред<актора> сб<орника> революц<ионных> песен свою жену Зинаиду Павловну Крж<ижановскую>.

Мне кажется, что эта кандидатура идеальна. Несомненно, что в редакции Глеб Макс<имилианович> примет самое близкое и энергичное участие“ (5.VI1937).

²¹ РО ИРЛИ. Р. V. К. 146. П. 2. Ед. хр. 7.

²² Записи Ф. А. Абрамова хранятся в РО ИРЛИ. Р. V.

²³ Многие (но далеко не все) из этих материалов лишь в последние годы увидели свет на страницах настоящего издания и ежегодника «Русский фольклор».

В письме от 8-го июня из Ленинграда т. Друскин писал: „Кандидатура З. П. Кржижановской в качестве ответственного редактора сб. „Революционных песен“ в Фольклорной секции была встречена с большим энтузиазмом».

23-го июня Музгизом был заключен договор с З. П. Кржижановской и рукопись отправлена ей на редактуру.

16-го августа т. Кржижановская рукопись вернула, отказавшись от работы.

В устной беседе с сотрудником изд-ва т. Бейчек тов. Кржижановская свой отказ объяснила тем, что материал подобран недостаточно тщательно и добросовестно и редактировать его трудно.

Вступительная статья совсем не характеризует эпохи, а из текста песен смело можно исключить одну треть сборника, не представляющую никакого интереса.

На основании этого разговора 2-го сентября было отправлено письмо т. Друскину, в котором сообщалось об отказе тов. Кржижановской работать над сырым материалом.

Письмом от 16-го августа т. Кржижановская сообщила: „подробную рецензию доставлю дополнительно“, но затем уехала в отпуск и рецензии до сих пор не представила.

Мы неоднократно запрашивали рецензию по телефону через секретаря и наконец 3-го ноября запросили письменно, сообщив т. Кржижановской, что она поставила нас в чрезвычайно трудное положение перед авторами сборника, задержав присылку развернутой рецензии. Ответа мы не получили.

Управляющий

Государственным Музыкальным

Издательством

/Гринберг/».²⁴

Сегодня кажется невероятным, что могло не увидеть свет такое ставшее классическим издание, как «Былины Севера» А. М. Астаховой. 19 апреля 1937 г. на заседании Президиума Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР было принято постановление: «Разрешить издать в 1937 году 1 том работы Астаховой „Былины Северного края“, объемом в 30 авт. лист.».²⁵ Но книга вышла из печати лишь в 1938 г. И объяснялось это не техническими причинами. Заведующим Ленинградским отделом редакции Издательства АН Г. Адонцем на собрание А. М. Астаховой был дан резко отрицательный отзыв (от 10.07.37 г.), выдержки из которого мы здесь приводим:

«В центре данного издания надо поставить собственно бы л и н ы, расположив их по тематическому принципу <...> За основу следует принять наиболее полный текст былины со все-

²⁴ Индекс № 661. С. 119—119 об.

²⁵ Там же. С. 118.

ми значительными вариантами. Различного же рода разночтения <...> отнести к примечаниям <...> В статье А. М. Астаховой „Северный период в развитии русского эпоса“ нет ни одного слова о дискуссии, связанной с постановкой в Камерном театре „Богатырей“ Д. Бедного. Между тем как эта дискуссия имеет большое политическое и научное значение, особенно для фольклористики.

В статье имеется ряд и других существенных недостатков. Прежде всего, полемическую часть статьи следует значительно сократить, тем более что в рукописи автор указывает неоднократно на контрреволюционные запрещенные книги. Нет необходимости популяризировать враждебные нам буржуазные теории о том, что крестьянство только „перевирало“ созданный якобы „княжеско-дружинной средой“ былевой эпос, и т. д. <...> Оставляя в стороне основные проблемы былевого эпоса, А. М. Астахова уделяет исключительное внимание ряду побочных вопросов, как, например, о местах культивирования былин, об исполнителях и пр. <...> Статья касается главным образом содержания былин, в ней нет анализа былины как художественного произведения. Никак не показывается роль и значение ее в народном творчестве, ни слова не говорится о языке былины. В частности, не уделено почти никакого внимания такому фактору, как влияние литературных источников на былинное творчество, тем более, что значительная часть сказителей былин оказалась грамотной. А. М. Астахова проходит мимо вопроса фальсификации или искажений, внесенных буржуазными собирателями, исследователями, редакторами, цензурой и проч. Совсем не поставлен вопрос, что же нового внесено в изучение былевого эпоса советскими фольклористами и пр. Статья должна быть коренным образом перестроена. <...> Взятая социологическая терминология недостаточно еще освоена автором. На статье лежит также большой груз формалистической терминологии. <...> Язык статьи крайне сух и бледен, статья нуждается в литературной обработке. <...> Указанные недочеты сигнализируют о том, что к рукописи т. Астаховой ответственный редактор проф. М. К. Азадовский отнесся крайне недобросовестно».²⁶

В докладной, адресованной Директору ИАЭ, М. К. Азадовский дал подробный ответ на этот отзыв, начав его с утверждений: «Я ни в коем случае не могу согласиться с данным отзывом и считаю его вообще плодом какого-то недоразумения. Автор отзыва, видимо, совершенно не представляет специфики научного издания вообще и фольклористического в частности. Требования, которые выдвинуты в этой рецензии, применимы лишь к научно-популярному изданию или к какому-либо сочи-

²⁶ Индекс № 662. С. 13—15.

нению о былинах общего характера и, конечно, они идут совершенно вразрез с теми научными задачами, которые поставил автор книги».²⁷

К счастью, как мы знаем, «Былины Севера» все же были изданы и по достоинству оценены при жизни их составителя, а не после его смерти, как это часто бывало в русской истории. Вот что писал в 1940 г. академик А. С. Орлов: «Книга, изданная в 1938 г. фольклорной комиссией при Институте этнографии Академии Наук СССР под заглавием „Былины Севера. Том первый. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой“, представляет собою выдающееся явление в истории фольклорного литературоведения. Начиная с производства записей и кончая историко-литературной их обработкой, все в книге отличается вдумчивостью, добросовестностью и совершенством метода. Все, что в книге принадлежит руководству и творчеству Анны Михайловны, сделано и оформлено совершенно достойно Всесоюзной Академии Наук, как ведущего научного учреждения Союза ССР.

Необычайная трудоспособность, удивительная скромность, теплое отношение к носителям русского фольклора, глубокое понимание народной эстетики, непревосходимая опытность в экспедиционной практике и глубочайшая осведомленность в истории фольклорной науки — вот качества работы нашего товарища, великолепного русского ученого, Анны Михайловны Астаховой».²⁸

Документы 30-х годов рисуют довольно мрачную картину реальной жизни ленинградских фольклористов. Остается лишь удивляться бесконечному мужеству ученых в то нелегкое, порою поистине драматическое время, о котором многое уже сказано и всё равно сказано не всё.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Там же. С. 104.